ВСЕНАРОДНАЯ

КНИГА ПАМЯТИ

1941-1945

Светлогорского городского округа

0+

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ
2020

Анна Олейник

Всенародная Книга Памяти Светлогорского городского округа

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Олейник А. Н.

Всенародная Книга Памяти Светлогорского городского округа / А. Н. Олейник — «ЛитРес: Самиздат», 2020

В «Книге Всенародной памяти" бережно собраны рассказы и фотографии участников Великой Отечественной войны, проживающих на территории Светлогорского городского округа Калининградской области, а также портреты участников акции «Бессмертный полк». Памятные очерки ветеранов сохранены в том виде, в каком были записаны ими самими или их родственниками. С каждым годом ряды живых свидетелей той страшной войны редеют, поэтому их воспоминания особенно ценны для нас и будущих поколений. Вглядитесь в глаза участникам Великой Победы и помните их подвиг!

© Олейник А. Н., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Предисловие 6
Екатерина Акимова 8
Зоя Алексахина 10
Александр Асельборн: 11
Из воспоминаний Валентины Башковой 13
Сестры – Роза Большакова и Валентина Артюнян 15
Зинаида Братякова 17
Любовь Букланова 19
Клавдия Быстрова 22
Анфиса Васина: 25
Валентина Вожакова: 27
Валентина Голубева 29
Анна Горбань 31
Валентина Горных: 35
Зинаида Гуськова 38
Руфим Денисов 40
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Сборник
Всенародная книга памяти Светлогорского городского округа. 1941-1945

Предисловие

Великая Отечественная война имеет много измерений, которые не перечислить, не говоря о том, чтобы дать ей всестороннее описание. Мы решили посмотреть на прошедшие страшные события глазами людей, которых они коснулись самым непосредственным образом, через чью жизнь война прошла безжалостным катком. Эти люди живут или еще совсем недавно жили рядом с нами, храня в глубинах памяти пережитые ужасы войны. Прошедшие десятилетия не в состоянии стереть глубокие шрамы. Им очень тяжело было вспоминать былые невзгоды. Ветераны, пройдя через смертельные испытания, знают цену жизни и человеческим отношениям и могут рассказать об этом потомкам, знакомым с войной лишь из кино и компьютерных игр. Эти рассказы помогут понять молодым людям смысл жизни и ценность мирной жизни в особенности.

Воспоминания участников и свидетелей войны, проживающих на территории Светлогорского городского округа, мы старались не править. Они сохранены в том виде, в каком были записаны ими самими или их родственниками. С каждым годом ряды живых свидетелей той страшной войны редеют, поэтому их воспоминания особенно ценны для нас и будущих поколений.

От имени всех жителей округа благодарю ветеранов Великой Отечественной войны за Подвиг, Победу и мирное небо над нашими головами.

Глава администрации муниципального образования «Светлогорский городской округ» В.В. Бондаренко

Екатерина Акимова

У каждого, кто пережил войну, о ней своя особая память.

Екатерина Ивановна Акимова родилась в деревне Верхняя Норка в далекой Республике Марий Эл. Семья была большая, крестьянская: отец, мать и пятеро детей. Жили, как все: родители и старшие братья трудились в колхозе, пятнадцатилетняя Катя с младшей сестренкой учились.

Война и всеобщая мобилизация нарушили привычный уклад жизни. С первых дней все жители республики от мала до велика включились в борьбу. Один за другим все три брата ушли на фронт бить врага, а на хрупкие плечи женщин и детей лег нелегкий крестьянский труд.

– Школу я бросила, – вспоминает Екатерина Ивановна. – У меня образование всего 4 класса, день и ночь работала. В колхозе все вручную делали, днем мы жали, а ночью на молотилке молотили зерно. Колосьями наколешь все руки так, что все аж зудит, болит.

– Работали на совесть, так хотелось помочь родным братьям поскорее победить врага и вернуться домой с победой. Не отказывались ни от какой работы, трудились там, куда пошлют, а посылали девчонок, в том числе, и на самые тяжелые работы. Когда закончили со сбором урожая подростков на всю зиму забрали на лесоповал. «Опытные лесорубы все ушли на фронт, а лес был очень нужен, поэтому на заготовку оправили молодежь. Выдали нам ручную пилу, и днем мы с подружкой пилили деревья, а ночью грузили бревна в вагоны. Клали на плечи специальные подушечки и вдвоем затаскивали эти бревнышки по трапу в вагоны, ведь тогда паровозы еще дровами топились».

– В Йошкар-Олу было эвакуировано много заводов и фабрик из оккупированных районов, – рассказывает Екатерина Ивановна, – их быстро запустили и наладили выпуск военной продукции. Очень опасались, что немцы захватят город, а потому стали готовиться к обороне. Вот как-то раз мы копаем окопы, а тут, глядь – самолеты немецкие летят. В испуге бросились врассыпную, думали, бомбить будут. А они нам листовки скинули. Я эти поганые стишки до сих пор помню: «Русские дамочки, не копайте ямочки, пролетят наши таночки, не помогут ваши ямочки».

Не прошли немецкие танки, не удалось фашистам взять город. А еще мы посылки на фронт отправляли (картошку сушили, носки вязали, кисеты вышивали). Дадут нам лошадь, мы на лошадке в район все отвезем, там и сдадим на почту.

Несмотря на то, что юная Катя ростом была невелика и сложением богатырским не отличалась, работала девушка на совесть, ее портрет всегда красовался на доске Почета. «Передовиком была», – гордится собой Екатерина Ивановна.

Так и трудилась всю жизнь Екатерина Ивановна Акимова, 30 лет отработала в светлогорском «Курортторге», заработала два знака «Ударник коммунистического труда» и целую стопку почетных грамот и благодарностей.

Зоя Алексахина

Зоя Федоровна Алексахина, труженик тыла. Родилась в Брянской области, когда началось война, ей было 10 лет. Потом окажется, что родилась Зоя Федоровна в один день с Победой – 9 мая, только в 1931 году. Во время войны она работала на полях, вспоминает, что все приходилось делать вручную, пахать, молотить, сеять, сажать, косить вместе с оставшимися в деревне женщинами. Отец с войны не вернулся. 14 лет после войны Зоя отработала в колхозе, в 1946 году она приехала вторым эшелоном переселенцев в Калининградскую область, в Гусевский район, пос. Калининское. Затем вместе с мужем переехала в Гусев, муж был строителем, Зоя Александровна тоже работала на стройке, даже грузчиком трудилась! Работала и на известном гусевском заводе «Микродвигатель».

Зоя Алексахина стоит вторая справа

Сейчас дома, есть увлечение – Зоя Федоровна вяжет.

Александр Асельборн: «В трудовой армии приходилось несладко»

Наверное, далеко не все знают, что такое трудовая армия. Словарь дает такое определение: система принудительной трудовой повинности населения, призываемого в организованные по военному образцу трудовые организации в связи с особым периодом (Великая Отечественная война). Это были рабочие батальоны, включенные в систему НКВД СССР. Чаще всего их основу составляли советские этнические немцы, которых априори считали самыми неблагонадежными.

…Александр Антонович Асельборн родился в семье этнических немцев в деревне Ровная Поляна Омской области. Деревня была основана в 1907 году немцами в 57 км северо-западнее Омска.

В начале войны Алексу было 10 лет, среднему брату – 12, старшему – 16. В 1942 году отец, мама и старший брат оказались в трудовой армии. Отца отправили под Краснотурьинск, на Урал, где строился огромный завод. Маму – под Куйбышев, старшего брата – в Молотовскую область (ныне – Пермская) на угольную шахту.

– Каким-то чудом в действующую армию удалось попасть только моему дяде. Он учился в Ленинграде, был художником, – вспоминает Александр Антонович. – Сражался на фронте и погиб при освобождении Бреста. Отца мы так больше и не увидели, он умер то ли от голода, то ли от непосильного труда.

Остались мы дома с братом – на двоих нам было уже 24 года, почти взрослые. Рядом жил наш родной дедушка, но дома он фактически не бывал, все в разъездах, по району мотался.

Я, честно говоря, не помню, когда мы были сыты или высыпались. Весь крестьянский труд лег на плечи таких же, как я, подростков. Но нам с братом приходилось тяжко и в моральном плане, нас все еще называли фрицами. И присматривали: не работаем ли мы вполсилы? Все делать приходилось вручную. Днем косим пшеницу, ночью сушим ее, чтобы поскорее можно было приступать к молотьбе.

Конечно, дедушка иногда заглядывал к нам, подбодрить, да кое-какие новости сообщить. Но радостными были только вести с фронта, а из нашей деревне, скорее, печальные. То одну женщину отправили в трудармию, то вторую. Забирали всех немцев и немок в возрасте от 16 до 45 лет. Исключение составляли беременные и воспитывающие детей до трех лет.

Наша мама вернулась чуть раньше срока, уже после войны. Сердце у нее было больное, вот и отпустили. Причем, выжившим немцам разрешалось вернуться только в места выселения: Урал, Сибирь, Казахстан, где находились их родственники.

Трудармия официально была расформирована в 1947 году. Но год спустя выселенные в годы Великой Отечественной войны были отправлены в ссылку. И все же нам с мамой разрешили отправиться в Молотовскую область, туда, где на шахте трудился мой старший брат Андрей.

Действовала карточная система, жили мы очень трудно, и я решил устроиться на работу в шахту. Поначалу взяли в маркшейдерский отдел, потом работал непосредственно в забое.

Реабилитировали всю нашу семью в 1954 году. До этого даже из шахты без разрешения не дозволяли выезжать. Доложился коменданту, тот записал цель поездки, время на нее необходимое, и, попробуй, опоздай. За это сразу полагался арест на 10–15 суток.

Затем я поступил в военный механический техникум, трудился на авиационном предприятии, где и познакомился со своей будущей женой Ираидой Андреевной. От завода нам была выделена комнатушка в коммунальной квартире, где и начинали совместную семейную жизнь.

В Светлогорск Александр Антонович с супругой Ираидой Андреевной перебрались в 2018 году, здесь живет сестра жены. Вместе Асельборны прожили более 60 лет. Сейчас стараются во всем поддерживать друг друга. А еще они большие оптимисты. Стараются ставить вполне достижимые цели. Впереди у них два больших праздника: 75-летие Великой Победы и 90-летие Александра Антоновича.

Ю. Москаленко

Из воспоминаний Валентины Башковой

«Родилась я в июле 1926 года. Мне было 15 лет, когда началась война. Мы с родителями, старшим братом Леонидом и старшей сестрой Евгенией уже не отмечали, как прежде, мой очередной день рождения. Не до того было. Да и к тому времени всех родных призвали защищать Родину.

Леонид служил на эсминце «Строгий». Эсминец не успел выйти в море, потому держал оборону на Неве, вел обстрелы вражеских частей.

В документальном фильме Кирилла Набутова «Блокада» повествуется о сражении на «Невском пятачке», и когда демонстрируют фотографию отца Владимира Владимировича Путина, Набутов зачитывает письмо старшего лейтенанта Башкова об этом сражении – это и есть мой брат. В том сражении он был тяжело ранен. Мы случайно узнали о его ранении, поскольку письмо от него некуда было доставить. От нашего дома осталась огромная воронка. Раненый брат попал в госпиталь, что размещался в Кронштадте.

Для жилья нам нашли маленькую квартиру на набережной, там часто стояли эсминцы и другие корабли. Мама работала на балтийском флоте, я помогала ей. Нам, подросткам, доверяли дежурить на крышах домов, гасить зажигательные бомбы. Дежурили постоянно.

Свободного времени не было, да и сил – никаких. Но все равно мы с сестрой Женей ходили на набережную смотреть на наши корабли. И брат Леонид мог иногда нас видеть в

бинокль с корабля. Однажды он показал нас своему другу Коле. Так в Женю влюбился Николай Кузьмич Мавренков – начальник медицинской службы. 9 апреля 1942 года они поженились. Свидетельство о браке № 9 – это всего лишь девятое свидетельство с января 1942 года. А вот за похоронками стояли длинные очереди. Тяжело такое видеть – потемневшие от горя лица.

В 1943-м у Жени и Коли родился сын. Николай тоже был тяжело ранен во время боевых действий. Немцы постоянно бомбили корабли, поэтому те все время меняли рейды, чтобы немецкие диверсанты не успели подать сигнал. Кстати, Виктория, моя племянница, она дочь Николая Кузьмича, очень хорошо пишет об этом в своей документальной книге. Ее и назвали так в честь нашей Победы. Вот уже 15 лет она ухаживает за мной.

А еще я хорошо помню 27 января 1944 года, когда в 8 часов вечера был произведен салют в честь снятия блокады Ленинграда: вся Нева, все небо – одна сплошная радуга. Накануне прошло оповещение, что в эту ночь разрешено гулять до часу ночи. Мы стояли на набережной и смотрели салют, смотрели на корабль, где были наши любимые, и плакали, плакали…

В мирное время помню, как меня поздравляла губернатор Валентина Ивановна Матвиенко. Мы стояли друг напротив друга, она спросила: «Как, вы, Валентина Михайловна?» Я сильно волновалась, заплакала. И увидела, что и у нее в глазах тоже стоят слезы… Я до сих пор помню эти глаза. В память о той встрече я бережно храню подарок от Матвиенко – Павлово-Посадский русский платок.

…Мне грядет 94-й год. Вспоминается только хорошее. Люди, прежде всего, всегда должны оставаться людьми. Мы все помогали друг другу, много работали, приближали победу. Помните о живых, не забывайте о погибших, дарите заботу и добро родным».

Записала В. Малерб, племянница В.М. Башковой

Сестры – Роза Большакова и Валентина Артюнян «Работали на износ»

Дружная семья Большаковых перед войной жила в Ярославле. Шло время. Подросла старшая дочь Роза, в 1941-м ей шел 17-й год, она очень хотела получить высшее образование, поэтому уехала в Москву. С родителями осталась Валентина, которой 20 июня 1941 года отметили 14-й день рождения. Это был последний семейный праздник перед войной.

Роза тогда не вернулась домой. С первых дней войны устроилась на авиационный завод, работала фрезеровщицей, вытачивала детали для самолетов.

– Нелегко было, – погружается в воспоминания Роза Ивановна. – Работали по 12–14 часов в сутки, а потом, наскоро перекусив, а иногда и без перекуса, отправлялись на крыши московских домов: дежурили во время налетов вражеской авиации. Тушили зажигательные бомбы.

Поясним: зажигательная бомба весила около килограмма, но бомбы сбрасывали в кассетах и сериями. Пробивной силы «железки» хватало для того, чтобы «прошить» крышу, обитую кровельным железом. А вот внутри помещения, на чердаке, срабатывал взрыватель. Начинка бомбы, напоминающая желатин, растекалась по поверхности, прилипала к стропилам крыши, поджигая их. Поэтому очень важно было погасить фугаску еще до того, как горючее вещество выплеснется наружу.

– Особенно трудно было осенью и зимой 1941-го, – продолжает повествование Роза Ивановна. – Бомбили практически каждую ночь, да еще и не по одному разу. Но мы были начеку.

Валентина, несмотря на юный возраст, тоже устроилась на завод. На токарном станке вытачивала корпуса снарядов. А вечерами вместе с подругами поднималась на крышу – гасить фугаски.

Налеты были частыми, гитлеровцев в конце осени 1941 года остановили примерно в полусотне километров от города…

Одной из первых медалей, которыми была награждена Роза, стала медаль «За оборону Москвы». Всего этой медалью было награждено более 1 млн. человек, а награда № 1 вручена Иосифу Сталину.

…Война откатилась на запад, налетов стало меньше, но интенсивность труда на предприятиях нисколько не уменьшилась. Работали на износ.

Самой большой радостью для домочадцев были письма с фронта от отца. Иван Васильевич провоевал в матушке-пехоте почти четыре фронтовых года. Вернулся он вместе с другими победителями в 1946-м, и осенью того же года, когда советских людей начали «вербовать» для восстановления самой молодой Калининградской области, принял решение: отправиться на прибалтийские хлеба.

Время было беспокойное, в Литве орудовали «лесные братья». Но все обошлось, вновь прибывшую семью определили в Ладушкино поднимать местный совхоз. Но уже в следующем 1947 году Большаковы перебрались в Светлогорск. Роза работала в коптильном цеху Пионерского порта, Валентина, после рождения ребенка, устроилась в детский сад «Березка», а потом долгие годы трудилась в одном из светлогорских санаториев. На пенсию ушла в 75 лет. Еще дольше проработала Роза. Ее очень ценили в коллективе пансионата «Балтика».

Сегодня Розе Ивановне Фроловой – 95, ее сестре Валентине Ивановне Артюнян – 92 года. Живут сестры вместе, за ними ухаживает дочь Валентины Ивановны…

Зинаида Братякова
«Незаживающая рана»

– Слобода Селецкая – небольшая деревня в Брянской области – была занята фашистами в августе 1941 года, тогда шел второй месяц войны. Слухи о зверствах фашистов уже дошли до этих мест, – вспоминает Зинаида Сергеевна Братякова. – Когда немцы вошли в деревню, мы попрятались в окопах.

Сначала немцы вели себя лояльно, призывали людей вернуться в свои дома, жить нормальной жизнью. Мы поверили, вернулись. Вроде все было спокойно, но уже через две недели случилось страшное. В Унече, это небольшой городок рядом с нашей деревней, фашисты собрали всех евреев, а их в городке было очень много, вырыли на окраине города траншею и там всех их расстреляли. Могилу забросали сеном и подожгли. Потом засыпали землей. Очевидцы рассказывали, что земля шевелилась, и еще долго из под земли раздавались глухие стоны.

Вот тогда 10-летняя Зина Братякова и узнала, что такое фашизм. Страх и ужас наполнили сердца всех жителей деревни от мала до велика. Это чувство сохранялось до самого освобождения.

– Брянская область – партизанский край, – продолжает Зинаида Сергеевна. – Мы часто слышали о том, что партизаны взорвали мост или железнодорожные пути, либо водокачку, и каждый раз все жители деревни замирали в ожидании: ведь в ответ на это немцы сжигали деревни вместе с жителями. Немцы в лес боялись идти за партизанами, а деревни вокруг сжигали. Видела на площади повешенных людей с табличкой «Партизан». Это была страшная война, не дай Бог пережить еще раз такое.

Три года оккупации запомнились отсутствием самых простых и привычных вещей: не стало магазинов, перестали работать больницы, школы, а скоро закончились соль и спички. «До войны у нас был специальный бочонок, в котором хранили соль. Когда бочонок опустел, мама рубила его на щепочки, их она вымачивала в воде и на этой условно соленой воде варила еду. У нас в оккупации голодных, умирающих от голода не было, кормил огород, а вот соль отсутствовала, как и спички. Сегодня это такие обычные вещи, которые мы даже и не замечаем, а тогда они имели огромное значение».

– Освобождение встретили ликованием, мы так радовались, – продолжает повествование Зинаида Сергеевна. Ходили и ощупывали наших солдат, не верилось, что теперь у нас не Красная армия, а Советская, не красноармейцы, а солдаты и офицеры, и даже погоны у них есть.

Семье Братяковых повезло. Отец-железнодорожник остался жив, всю войну он водил поезда по фронтовым дорогам. К сожалению, так повезло далеко не всем. Все друзья, одноклассники, соседи Зои Братяковой остались без отцов. Это страшная незаживающая рана…

Отступая, немцы сожгли Слободу Селецкую. В 1946 году семья Братяковых переехала в Кенигсбергскую область. В 19 лет Зинаида окончила школу, затем институт, после окончания которого преподавала русский язык и литературу, была директором школы. Всю свою жизнь она посвятила детям.

Н. Штерн

Любовь Букланова

Любовь Петровна Букланова родилась и выросла на Калужской земле, семья жила в деревне Жерелёво. Мама работала учительницей в сельской школе, отец – в торговле, в семье подрастали две маленькие дочки. В 1937 году семья осталась без кормильца, отца арестовали и скоро осудили по 58 статье «Контрреволюция», дали десять лет без права переписки и отправили этапом через Вологду в Краснотурьинск. Мать осталась одна с двумя маленькими детьми, а через три года грянула война. Уже в начале осени 1941 года фашисты пришли на Калужскую землю, 3 октября немцы вошли в Жерелёво. В памяти пятилетней Любы этот день остался навсегда: «Я помню, как немцы пришли, школа, где работала мама, стояла на большаке – это перекресток больших дорог, и вот во двор заезжает огромный черный немецкий танк и оттуда вылезает немецкий офицер, он что-то жует. Подъезжает еще машина, оттуда выходят немцы, они заходят в классы, а там, на стенах, висят портреты Ленина и Сталина под стеклом, и они начинают их бить».

Немцы рвались к Москве и всех неблагонадежных выселяли из родных мест и сгоняли в лагеря. «Нас посадили на какой-то транспорт и увезли в пересылочный лагерь в Рославль, – вспоминает Любовь Петровна. – Мой дед по маме был священником, он служил в храме, многие храмы не закрывались во время войны. И вот мы всей семьей: мама с двумя детьми, ее сестра с дочкой и дед-священник попали в концлагерь в Брянске. Хорошо помню плац, разделенный на две части, там за деревянной перегородкой были наши военнопленные. У кого-то из пленных солдат чудесным образом оказалась гитара и они по вечерам тихонько пели песни, а мы с сестрой приникали к щели в этой перегородке и слушали». В лагерном бараке были такие небольшие отделения – «казематики», и в каждом из них жила семья. Людей было очень много, тесно, душно, кормили плохо. Узница вспоминает: «Привозили такие большие чаны, в них

была еда – коричневая густая жижа, на вкус как сырое жидкое тесто, вот этим нас и кормили. Много людей расстреляли, многие умерли от голода и болезней. А еще хорошо помню, что там такие большие крысы бегали и мама очень за нас переживала, боялась, что они нас сожрут».

Сколько времени семья провела в концлагере, Любовь Петровна не помнит, в семье старались не вспоминать то страшное время, но то, что все вырвались оттуда живыми, считает настоящим чудом. Она вспоминает: «Когда немцы стали отступать, нас отпустили. Дед-священник, помолясь, обратился к начальнику лагеря, попросил отпустить его и двух дочерей с малолетними детьми, и немец разрешил выпустить всех нас из лагеря. И мы отправились назад, в родное Жерелёво. По пути, конечно, голодали, собирали гнилую картошку, наша заботливая мама всегда брала с собой две пуховые перинки для нас сестрой и небольшой самоварчик, чтобы у нас всегда был кипяток. Так мамина житейская мудрость, любовь и вера в Бога спасли нас».

А впереди было еще много суровых испытаний, богатое село Жерелёво после ухода немцев осталось в руинах, фашисты сожгли все дома, взорвали церковь. Жить было негде, в единственном уцелевшем доме собрались все оставшиеся в живых жители деревни, конечно, так жить было невозможно. Семья нашла пристанище на песчаном берегу реки Снопоть, вырыли землянку, выложили ее бревнами с пепелищ и стали жить. «Река кормила, дед ловил рыбу, питались рыбой сами, да еще и других кормили, вот так мы и жили. Постепенно жизнь стала налаживаться, переехали из землянки в Киров, мама стала работать учительницей, а в 1947 году вернулся отец, его освободили ровно через десять лет, и это еще одно чудо», – говорит Любовь Петровна.

Клавдия Быстрова

Семья Клавдии Михайловны Быстровой в годы войны жила в Богородске – это небольшой городок в Горьковской области. Семья была большая, дружная – отец, мать и шестеро детей. Глава семейства по возрасту и состоянию здоровья для военной службы не годился, а вот старшую сестру, которая только закончила десять классов, направили в школу радистов, где она проработала до конца войны, брат всю войну работал на военном заводе, и одиннадцатилетняя Клава не осталась в стороне, она пошла работать на фабрику, где шила попоны для лошадей и различную одежду для фронта.

«Богородск не бомбили, – вспоминает Клавдия Михайловна, – бомбили Горький, там было много военных заводов, а до Горького от нас всего двадцать восемь километров, поэтому слышно было, как бомбили. Помню, мы все боялись, что и нас бомбить будут, мама связала в узлы самое необходимое, и вот как только увидим, что самолеты летят, мама хватает эти узлы, нас, младших, и мы бежим в сад прятаться. Однажды бомба упала в поле неподалеку от города, и она не взорвалась, вот мы, дети, и побежали на бомбу посмотреть. Маленькие были, глупые».

После войны жизнь налаживалась трудно. Когда приехали в город вербовщики и стали агитировать переехать в Калининградскую область, предложение показалось заманчивым. В 1947 году семья приехала в Калининградскую область, в совхоз сорок семь, сейчас это Романово, сначала направили на полевые работы. «Копали картошку, урожай в тот год был очень

хорошим, картошка была крупной, чистой, а капуста была какая, а морковка! – восхищается Клавдия Михайловна, – у нас бригадиром был немец, мы сначала все вместе с немцами жили и работали. На обед мы не ходили, там, в поле, варили в ведре картошку и ели, а еще в обед с немцами танцевали. Они на губной гармошке играли, а мы плясали, молодые, голодные, а веселые были. Когда после работы домой собирались, то бригадир по ведру картошки нам давал с собой. Голод же был в 1947 году, ничего же не было, так и жили, работали». Больше всего поразило юную Клавдию на бывшей немецкой земле чистота и порядок, а еще то, что немцы даже рожь пололи. «Были у них специальные тяпки, палки с крючочками, ими они колючки пололи, чтобы во время жатвы эти колючки руки не кололи. Снопы в то время руками вязали, приходилось туго, опухшие руки, болят, утром не разогнешься, а идти в поле надо. Где я только не работала, вспоминает труженица, – и полола, и жала, потом направили урожай снимать, после урожая, поручили принимать у доярок молоко, вот принимала, сдавала, а после этого уже в контору меня работать взяли, работала счетоводом. После работы училась в вечерней школе, окончила восемь классов, можно было и больше учиться, но было тяжело и страшно по ночам ходить, а учиться хотелось, хотелось десять классов окончить».

В 1955 году Клавдия Михайловна вышла замуж, с мужем переехали в Светлогорск. Дальше жизнь шла, как у всех: растила сына и дочь, работала счетоводом в санатории в Отрадном, в военном санатории, где отработала больше 25 лет.

Анфиса Васина:
«Два брата с войны не вернулись…»

Анфиса Григорьевна Васина (в девичестве Селезнева) родилась в деревне Сайденки Кировской области 12 августа 1926 года. Семья была большая, Григорий Наумович и его супруга воспитывали 12 детей.

– Как-то поровну все сложилось, – улыбается Анфиса Григорьевна. – В аккурат шесть сыновей и шесть дочерей.

Мой отец был тяжело ранен в Первую мировую войну, как говорили тогда, «в германскую». Поэтому, учитывая его возраст и ранение, а также многодетную семью, на фронт он не попал. Более того, он в том же 1941 году умер.

Но в действующую армии один за другим были призваны три моих брата. Двое так и не вернулись с полей сражений, положили свои жизни за свободу и независимость. А третий вернулся инвалидом – без ноги. Но хотя бы живой.

И у нас летом первого года войны началась тяжелая трудовая вахта. Все лежало на плечах подростков. Уходили на поля с рассветом, возвращались затемно.

Все лошади были отправлены на фронт, а нам, девчонкам, приходилось пахать на быках. Поначалу было страшно к ним подступиться, ведь они привыкли слушаться взрослых мужиков, да еще с матерком. Но потом мы с быками нашли общий язык. В жару пот одинаково скатывался и по нашим лопаткам, и по спинам животных.

К концу первой же осени и мы, и быки еле ноги передвигали, истощали, прежние нормы выполнить иногда было не под силу. А как иначе, мы работали для фронта. Вот так и пропахали все почти четыре военных года. Отдыхали только тогда, когда возили зерно за 45 километров. Тогда и вздремнуть успевали по очереди.

После войны на голодной Вятке решили не оставаться, переехали с мамой сначала в Архангельскую область, а потом – в Горьковскую, думали, там будет лучше. Но куда там. Во всех регионах страны люди испытывали схожие проблемы: недоедание, работа на износ.

Три года прожили на Волге. А дальше отправились в Калининградскую область, куда приехали в 1951 году. Я устроилась на работу в колхоз, работала дояркой. Потом перебралась в военный совхоз в поселок Зори. После тягот военной поры жить стало легче.

Вышла замуж, родила дочь. На пенсию ушла в 1983 году.

Сегодня живу практически в центре Светлогорска. Ни на что не жалуюсь. Город у нас красивый, зеленый, светлый. Так что живу и радуюсь.

А младшему поколению даю наказ: берегите мир, сделайте так, чтобы наши дети, внуки никогда не познали ужасов войны.

Н. Николаев

Валентина Вожакова: «На трудности жаловаться не привыкла»

Валентине Петровне Вожаковой в августе этого года исполнилось 90 лет. Позади – долгие годы испытаний, сейчас – спокойная старость в одном из самых красивых приморских городов.

Трудные тридцатые

– Родилась я в августе 1929 года в Пермской области в поселке Половинка, потом он стал городом Углеуральском, сейчас это поселок Углеуральский.

Первая шахта в нашем поселке появилась в 1904-м. Сначала она была «Семеновская», в советские времена – имени Сталина, а с 1961 года – Центральная. До войны были еще другие «копи».

Мой отец попал на работу в шахту еще молодым. Посмотрели на него, вроде бы ясный взгляд, сообразительный. Сказали: будешь взрывником. Отец попытался отказаться: мне бы подучиться. На что ему сказали, что в шурфе все и покажу. В результате отец пострадал от взрыва, глаз выбило, хорошо, что не погиб.

Вскоре началась война, а в 1942 году отца арестовали. Помню, мама сказала: за соль. Спустя год отец умер в лагерях.

Маме было очень трудно – четверо детей на руках. Я ушла в столовую шахты учеником повара. Мужчин не было, все продукты привозили к столовой и мы их тут же выгружали.

Мне и моим подругам было по 14–15 лет, каждый день мы переносили по несколько тонн продуктов. Лозунг: «Все для фронта, все для победы» действовал безотказно. С полей не успевали убирать картошку, капусту, свеклу. И отправлялись мы, девчонки, с обмерзшими руками, выковыривать из мерзлой земли корнеплоды. А зима у нас, на Западном Урале, была ранняя, морозы наступали уже с конца октября.

Но кормили шахтеров. Они добывали коксующийся уголь, который очень нужен был для металлургических предприятий. На них лили металл для танков.

Мы никогда не роптали. Приближали победу над врагом…

И после войны легче не стало. Нужно было поднимать европейскую часть Советского Союза. И особой разницы между военной порой и послевоенной мы, честно говоря, не почувствовали.

Единственно, что поддерживало: молодость, любовь, рождение детей. Кому то везло с мужьями, кому то откровенно нет, но каждая женщина стремилась к одному – дать своему ребенку лучшую долю. И я была такой же. Искала, где лучше, покинула свой Пермский край, уехала в Среднюю Азию. Никогда не было легко, но старалась.

В Калининградскую область приехала 25 лет назад. Сначала жила в Калининграде. Потом стало сложно, спасибо детям, купили квартиру в Светлогорске. Один из сыновей живет через дорогу, помогает мне.

Но я по-прежнему ни на что не жалуюсь. Раз дано мне было разменять десятый десяток, значит, жила честно, трудилась, никому ничего плохого не желала и не делала.

И сегодня хочу обратиться и к женщинам, и к мужчинам: не рвите сердце, не требуйте от жизни больше того, что она может вам дать. Любите жизнь. И она ответит взаимностью.

Валентина Голубева
Война глазами подростка

Ветерану Великой Отечественной войны Валентине Ивановне Голубевой идет 92-й год. Она много лет проработала учителем в школе Светлогорска, и сегодня не остается без внимания своих бывших учеников, которые уже сами «золотой фонд» нашего образовательного учреждения.

Позвонил Галине Александровне Ягминене:

– Как там наша Валентина Ивановна?

– Все нормально. В школе она, правда, бывает реже, чем несколько лет назад, но гостей встречает радушно. Любим мы с нею общаться, всегда внимательная, интересуется нашими школьными делами. И если видит, что нуждаемся в поддержке, совете, – подскажет и поможет.

Из воспоминаний Валентины Ивановны Голубевой.

– Я родилась в 1928 году в Брянской области в селе Старый Ропск, что в Климовском районе Брянской области.

Когда началась Великая Отечественная война, мой отец не подлежал призыву, так как у него была болезнь сердца. Занявшие село гитлеровцы на это не посмотрели, отца вместе с другими мужчинами согнали в одно место, чтобы отправить для каторжных работ в Германию. Правда, через несколько десятков километров на колонну автомобилей напали партизаны, отбили наших.

С лесными бойцами мама поддерживала связь, дом стоял в таком месте, куда немцы старались не особо заглядывать, а партизаны иной раз приходили. В основном, за солью.

Во время отступления гитлеровцев, которые жгли все деревни в округе, нас предупредили: спрячьтесь под обрывом, авось пронесет. Недалеко от нашего дома был обрывистый берег реки Ирпы, помню, стояли по колено в воде около суток.

Окликнули нас не советские бойцы, а полицаи: поднимайтесь наверх, мы знаем, где вы прячетесь. В это время фашисты пригнали около 50 наших односельчан, которые прятались в лесу. Их согнали в большую избу на другом конце поселка, заколотили двери и окна, и сожгли…

После того примерно ещё сутки не было понятно, кто где. Наконец, мы решили: надо сходить на шлях, посмотреть.

Пришли под утро, а там уже советские воины. Спросили: немцы в селе есть? Мы говорим: нет. И протягиваем им краюхи хлеба…

Анна Горбань
«Война в моей памяти…»

Слушать эту историю было необычайно трудно. Рассказывать – еще труднее. И только после разговора мы с Анной Семеновной Горбань почувствовали большой прилив сил. И я вновь удостоверился в том, что пожилым людям дороже всего внимание, забота и уважение.

Анне Семеновне недавно исполнилось 93 года. От «болячек» никуда не деться, зато ум ясен, память цепко держит все детали жизни, настроение бодрое. А судьба, как и у всех людей того поколения, оказалась изломана войной…

Малая родина

Родилась моя собеседница 10 ноября 1926 года в селе Софиевка Днепропетровской области. Родители всю жизнь возделывали землю, с самого создания колхоза трудились в нем.

– Было ли мое детство счастливым? – вздыхает Анна Семеновна. – Скорее, трудным. Может быть, кто из школьников и знал, что такое отдых, пионерлагерь, но мы, как только заканчивались уроки, приходили домой, наспех обедали, брали тяпки и в степь – полоть сорняки.

Отец был бригадиром, мама – звеньевой. Когда я подросла, – было создано молодежное звено. Его возглавлял мой брат, я старалась трудиться лучше всех, чтобы не подводить родителей и брата.

Село в предвоенные годы развивалось очень хорошо. В нем насчитывалось почти 1750 дворов и проживало порядка 7 тысяч человек, в машинно-тракторной станции было более 70 тракторов.

В 1936 году в Софиевке был открыт первый кинотеатр, в 1940-м появился межколхозный пруд и рыбопитомник, а в 1941 году через село прошла автодорога Днепропетровск – Кривой Рог. Жизнь налаживалась.

21 июня 1941 года я вместе с одноклассниками отмечала окончание семилетки. А на следующий день началась война. И в этот же день в селе состоялся большой митинг – все его участники готовы были идти на фронт, чтобы бить врага.

Тогда никто не мог предположить, что менее чем через три месяца, 14 августа, село захватят фашисты. Первым делом они арестовали родственников коммунистов и комсомольцев. А потом согнали молодежь для отправки в Германию. В их число попала и я, мне в то время не было и 15-ти. Сколько слез было пролито – одному Богу известно. Уже после войны я узнала, что всего из Софиевки было угнано в Германию более 400 человек.

Привезли нас в Гамбург. В нашей партии было 11 девушек из нашего села. Приехали какие-то люди, тщательно нас осмотрели, убедились, что молоды и здоровы. Наш «уполномоченный» отобрал 10 человек. С ним мы отправились в город Изерлон на западе Германии. Разместили нас в концлагере, каждое утро в пять часов поднимали, гнали в столовую, где нам давали чай. А потом отвозили на фабрику, тут мы трудились до семи часов вечера.

Что бросилось в глаза? На предприятии на больших станках работали только пожилые немцы, вся молодежь была на фронте. У нас не было норм выработки, наверное, хозяева понимали, что от полуголодных людей трудно добиться большего. Кормили только после окончания рабочей смены, давали небольшую буханку хлеба. Одну – на семь человек.

Война в моей памяти – это постоянное чувство голода. Немного отъелись только после освобождения города американцами. Они вывезли нас из концлагеря, разместили в бывших казармах, поставили на довольствие. Кормили по нормам своих солдат, пайки раздавали одинаковые.

Когда через три месяца в Изерлоне появилась английская администрация – мы сразу это почувствовали, отношение к нам изменилось в худшую сторону.

А вскоре нас отправили в фильтрационный лагерь в польский Перемышль, что недалеко от Львова.

Как-то разговорились с одним солдатом, он оказался моим земляком. Рассказал, что участвовал в освобождении села. Бои за него длились более двух месяцев, были очень упорными.

– Не сильно ли разрушено село? – поинтересовалась я у парня.

– Полностью стерты с лица земли почти 600 домов, практически все общественные здания. И народу в селе полегло немало – более 400 человек.

В лагере нам выдали специальные справки и предупредили: «Берегите этот документ, он для вас теперь все». Добирались до Днепропетровщины долго. На одной из узловых станций, где мы ждали пересадки, возле нас долго крутился незнакомый мужчина, наконец, он спросил у моей подруги: «Галя?»

Оказалось, это ее родной дядя из нашего же села. Не признал сразу, настолько мы были изможденными. Спросила у него про своих родителей. Дядька помялся, потом нехотя сказал: «Отца угнали в Германию, матери больше нет, дома тоже»…

Я помертвела. Галя мне говорит, все равно едем в Софиевку, будешь жить у меня…

Приехали. Сели на дорогу, по которой нас угоняли. Плачем. И тут Галя вскочила, рванула дальше по дороге и закричала: «Мама». Обнявшись, они рыдали в голос. И я. Они от радости, я от того, что моих родителей вернуть нельзя.

Мама Гали спросила мою фамилию.

– Радченко я, дочь Семена Васильевича.

– От батьки твоего никаких вестей, а мама вроде бы как в соседнее село перебралась.

– Мне сказали, что она погибла…

– Надо верить в то, что она жива.

…На рассвете я проснулась от того, что на меня падают капает. В темноте ничего не видно, только слышны всхлипы.

– Доченька, это я! Мама Гали ночью разыскала меня в соседнем селе. Дай я тебя обниму…

…В 1948 году в моей жизни произошло два главных события: вернулся из Германии отец, и я вышла замуж. Родила сына и дочь. Сын живет далеко, а дочь к себе забрала в Светлогорск. Внученька Анечка ухаживает за мной…

Такая вот непростая судьба…

Валентина Горных: «При слове «тиф» фашисты разбежались…»

Валентина Михайловна Горных не любит рассказывать про войну. Было тяжело, каждый день таил в себе неизвестность: выживем, не выживем? Но есть человек, о котором она с охотой рассказывает: это ее старший брат Шурик.

– Шурика в нашем поселке любили все, – начинает рассказ о брате Валентина Михайловна. – Мы, Маричевы, были все темноволосые, с карими глазами, и только он удался не в родителей, а в дедушку с бабушкой – светловолосый, с большими синими глазами. Рано пошел работать, начальник отца, Петр Дементеевич, старался нас во всем поддерживать и помог брату устроиться на работу в местное отделение Центробанка. А ведь парню тогда было 16 лет. Ничего, взяли, учитывая наше бедственное положение. Да и Шурик оказался очень талантливым – он всегда учился хорошо, но особенно любил математику.

С началом Великой Отечественной войны Шурика в действующую армию не взяли. Возраст не подходил, молодой был, да ещё единственный кормилец в семье. А потом, как мне кажется, его просто не успели призвать.

Мы к тому времени жили уже в поселке Глазуновка тогда еще Курской области. И уже в октябре 1941 года поселок и весь район были заняты гитлеровцами.

Часть партийных и комсомольских работников успели уйти в леса, где и создали партизанский отряд. Я так думаю, что Шурик стал связным этого отряда.

Жили мы недалеко от железной дороги, старший брат внимательно следил за передвижением гитлеровских войск по «железке», а потом сообщал эти сведения партизанам.

По ночам он куда-то уходил, особенно в 1943 году, когда развернулась рельсовая война. После того, как на воздух взлетали гитлеровские эшелоны участились облавы. Для того чтобы избавиться от диверсий нашего партизанского отряда фашисты бросили на партизан крупные полицейские части. Зондеркоманды окружили партизан и в ходе скоротечного, но очень ожесточенного боя, практически полностью уничтожили отряд.

Шурик спасся вместе со своим другом, сыном школьного учителя математики. Они пробрались в поселок, но так как за нашим домом был особый контроль, решили спрятаться у знакомой женщины. И все бы ничего, но друг Шурика сильно простуженный, не мог сдерживать кашля. И женщина, опасаясь за свою семью, попросила юных партизан покинуть дом.

Шурик с товарищем спрятались в копне сена. Но кашель их выдал – фашисты обнаружили двух молодых людей, схватили их и отправили в концлагерь, куда-то в Белоруссию.

Во время одного ночного обстрела города где-то под Борисовом, Шурику удалось сбежать. Его ненадолго укрыла одна белорусская семья, а как только Красная Армия освободила эти места, Шурик был призван в действующую армию.

Гитлеровцев выбили из Глазуновки в ходе Курской битвы. Но последствия оккупации были просто ужасающими. Фашистами было взорвано и сожжено 945 общественных зданий, более 5 тысяч человек местного населения угнано в Германию, в том числе повешены и расстреляны.

Я расскажу о самых трагических эпизодах.

Первый, как мы, девушки, прятались от того, чтобы нас не угнали на работу в Германию. На одной из хат написали крупными буквами «Тиф» и какое-то время прятались в этой хате. Гитлеровцы очень боялись этой болезни и обходили хату десятой дорогой. Но потом местный полицай выдал нас и растолковал гитлеровцам, что в хате прячутся совершено здоровые девчата.

И хотя фашисты так и не решились подойти близко, но они просто подожгли хату и мы выскочили из нее прямо на них.

Мы уже и не надеялись выжить. Тем более что нас сразу отправили к траншеям, куда сваливали расстрелянных и умерших красноармейцев. Фашисты, под ударами наших войск, стремились скрыть масштабы своих злодеяний, а потому решили максимально «уплотнить» траншеи. Для этого под дулами автоматов они согнали нас к траншее. Заставили спрыгнуть вниз, чтобы мы ногами уплотняли ряды убитых.

Мы думали, что там и останемся. Но наступление наших войск было таким стремительным, что нас просто не успели расстрелять.

25 июля 1943 года Глазуновка была освобождена…

Мы все были очень окрылены тем, что фашистов, наконец, выбили из поселка. По всему чувствовалось – враг сломлен, ему только и остается, что откатываться далеко на запад, – продолжает рассказ Валентина Михайловна. – Для нас настоящей отдушиной стали письма от Шурика. Он рассказывал, как освобождал Белоруссию, как их воинскую часть направили в Литву для освобождения литовской земли от гитлеровцев. С особой гордостью брат писал о том, что с боем взяли город Каунас, в ходе штурма он был ранен и лечился в лазарете.

Конечно, мы тогда не знали и знать не могли, что в то время в Каунасе создавалась группировка для прорыва глубокоэшелонированной обороны гитлеровцев в Восточной Пруссии. Командование фронтом ясно представляло себе, что каждая улица, каждый дом на этой земле будут превращены в долговременные оборонные пункты. А потому отобрали несколько сотен молодых, отчаянных ребят для того, чтобы они шли в прорыв первыми. И не просто отобрали, а устроили трехмесячные курсы подготовки к штурму. В эту группу и попал наш Шурик.

…А дальше письма перестали приходить. Вернее уже весной 1945-го года нам сообщили о том, что мой брат пропал без вести в боях за Восточную Пруссию.

Мама очень долго его разыскивала. И однажды нам повезло. Один из военкомов, кому переслали наше письмо, ответил нам не по-уставному. Он рассказал, что Шурик был его однополчанином и погиб в районе городка Шлоссберг (прежнее название – Пилькаллен). Ныне – поселок Добровольск.

О том, какие здесь были бои свидетельствует тот факт, что в середине января 1945 года Шлоссберг четырежды переходил из рук в руки.

Значительно позже мы попытались разыскать могилу брата. Но в 50-е годы все одиночные и некоторые общие захоронения было решено ликвидировать. А прах павших солдат был перезахоронен в крупные братские могилы. Где теперь искать Шурика никто не знает…

Ю. Москаленко

Зинаида Гуськова

Совсем недавно 24 января, ветерану Великой Отечественной войны Зинаиде Ивановне Гуськовой исполнилось 90 лет. С юбилеем тепло поздравил ветерана Великой Отечественной войны глава администрации округа Владимир Бондаренко, который вручил праздничный подарок от администрации и передал поздравительное письмо от президента России.

Зинаида Ивановна родилась в Красноярске, 11-летней девочкой трудилась в подсобном хозяйстве, выращивая урожай, который затем отправлялся на фронт. Окончила торговую школу, вместе с мужем уехала на север, затем семья вернулась в Красноярск. В 2015 году приехала в Светлогорск к детям и внукам, и сейчас помогает внукам справляться с правнуками.

Как призналась Зинаида Ивановна, самая главная ее забота на сегодняшний день – помощь родителям в воспитании правнуков, которые живут здесь же, в Светлогорске.

– У меня еще есть возможность их навещать, – сообщает Зинаида Ивановна, – да и за собой я в силах ухаживать.

…Когда началась Великая Отечественная война, Зине было всего 11 лет. Ее родители жили в Красноярске. Отец прибыл на призывной пункт одним из первых, но так как ему было уже 54 года, в действующую армию его не взяли, но записали в ополчение, вернее, в резерв. Военком пояснил: «Всех мужчин мы призвать не можем, кто-то и здесь, в тылу, должен помогать Родине».

– В Сибири в войну было полегче, пули над головами не свистели, и снаряды не рвались. Но все равно было страшно. Я больше всего я боялась, что налетят гитлеровские самолеты и будут бомбить, – передает свои детские страхи Зинаида Ивановна. – К счастью, этого не случилось, фашисты сюда не долетали. Но то, что война идет не на жизнь, а насмерть, мы, школьники, хорошо знали. Нам приходилось дежурить в госпиталях, где раненые рассказывали о кровопролитных боях.

Красноярск в годы войны принял 22 промышленных предприятия. Первым прибыли из Брянской области 4 августа 1941 года рабочие предприятия «Красный Профинтерн», которые выпускали паровозы, железнодорожные платформы и краны. Всего приехало около 15 тысяч рабочих и членов их семей.

Но ведь были и просто беженцы: москвичи, ленинградцы. Особенно страшно было видеть детей, переживших блокаду. Они были худенькие, изможденные, постоянно ожидавшие обстрелов. К тому, что обстрелов нет, привыкли не сразу.

Наша семья приютила одну девочку из Белоруссии. Уже не помню, чьи родственники там жили: мамины или папины? Но их дом был разрушен, а потому девочка некоторое время прожила у нас.

Из всего, что было, могу сказать только одно: трудились не покладая рук. И часто не было особого разделения: подросток ты или взрослый. Каждый понимал, что без нашего труда Победу не приблизить.

После окончания школы я рассчитывала остаться дома, устроиться на завод. Но так получилось, что познакомилась с одним демобилизованным солдатом. Он показался мне самым лучшим на свете, а потому мы с ним, если можно так выразиться, сбежали вместе на Север. Там и прожили достаточно долго.

Пять лет назад мне на Севере стало тяжело – холодно зимой, перепады температур осенью и весной. Благо, моя внучка к тому времени со своей семьей перебралась в Светлогорск. И меня пригласила: приезжай, бабушка, в обиду не дадим. Город мне нравится, сосны, море, летом вообще благодать.

Оглядываюсь на прошлую жизнь, и понимаю: не всегда мы жили просто, всякое бывало, но выстояли, одолели врага, принесли мир и себе, и Европе. И об этом никогда не надо забывать…

Ю. Николаев

Руфим Денисов
Для него окольных путей не существует…

Цену нелегкому крестьянскому труду Руфим Денисов познал с малолетства. Ему еще семи не было, когда отец будил его с первыми петухами, и они отправлялись на луг на косьбу. Спать хотелось жутко, но народная мудрость гласит: «Коси коса, пока роса». Если трава подсохнет – будет не косьба, а сущее мучение.

Энергия родной земли, натуральные продукты питания, повышенные физические нагрузки – с каждым годом Руфим становился все крепче, тверже стоял на ногах.

Когда началась Великая Отечественная война, подростку не было и 14-ти. Их село Предгорное, что в Восточном Казахстане, было райцентром, здесь базировался призывной пункт, куда прибывали будущие фронтовики. Пока формировались команды, проходило несколько часов, а то и суток. А чтобы поднять настроение бойцам на призывной пункт приходила школьная бригада художественной самодеятельности. Руфим Иванович очень любит петь до сих пор, а тогда его звонкий голос выделялся из общего хора.

Впрочем, концерты были скорее исключением из правил. Школьники обрабатывали поля, собирали урожай, девчонки по вечерам вышивали кисеты. Подростки в первые три военных года были главной «тягловой» силой на селе, заменив своих отцов и старших братьев.

В 17 лет на том же пункте Руфим оказался уже не как артист, а как призывник. Любознательного и крепкого парня направили в Ташкент в командное училище.

– Нашими наставниками были фронтовики, – вспоминает Руфим Иванович, – они говорили так: на войне главное – выжить. А для этого нужно ползать по-пластунски лучше, чем ходить. Чем ты незаметнее, тем меньше шансов у врага тебя поразить. Ползали так, что в кровь стирали локти и колени. Но это было после занятий по изучению материальной части артиллерийской пушки или огневой подготовки.

Чуть позже училище перебазировалось в Ленинград, где и состоялся первый послевоенный выпуск. Лейтенанта Денисова направили на Дальний Восток, в Петропавловск-Камчатский. Первые послевоенные годы были напряженными – в мире было очень неспокойно. А потому молодые офицеры старались сделать из каждого своего подчиненного физически крепкого и профессионально умелого воина. И здесь лучше всего подходил личный пример.

Руфим Денисов был настоящим образцом для подражания. Он был хорошим лыжником, пловцом, отличным стрелком. Из личного оружия на стрельбище часто «дырявил яблочко» – центр мишени.

А кроме того старался развивать в себе стратегическое и тактическое мышление – охотно играл в шахматы, и даже выполнил по ним первый спортивный разряд.

Командирам нравилась его целеустремленность, умение управлять подразделением. Успехи в боевой и политической подготовке не заставили себя долго ждать. И с воинскими званиями не было заминки – в 1954-м он был уже старшим офицером – майором.

После смерти Сталина к руководству пришел Хрущев. Он полагал, что раз у СССР есть баллистические ракеты, то ствольная артиллерия уже не нужна. И 27-летний майор Денисов, проходивший службу в Эстонии, в числе более 2,1 млн. солдат и офицеров был уволен в запас.

Нужно было принимать правильные решения. Первое, – переехал с женой и дочерью в Доможирово Ленинградской области, второе, – отправился на учебу в десятый класс одной из школ.

– В Подгорном не было учителей по нескольким предметам, – поясняет его сын Юрий. – Вот отец и решил подготовиться к поступлению в вуз таким образом. Это был серьезный поступок – учиться с 16-летними подростками старшему офицеру было непривычно. Но школьники очень уважали своего «дядьку», старались помочь освоить учебный материал.

Поступать Руфим Иванович решил в один из самых престижных советских вузов – Ленинградский институт железнодорожного транспорта. И здесь он оказался в числе самых «великовозрастных» студентов, что, впрочем, нисколько его не смущало. Более того, офицера запаса неизменно выбирали старостой курса, прислушивались к его мнению, уважали за умение взять на себя ответственность.

После окончания учебы Руфима Денисова отправили в филиал института в Челябинск. И именно здесь, в нынешнем Южно-Уральском государственном университете прошла его трудовая деятельность. Был заведующим лабораторией, преподавателем кафедры электротехники. Кропотливо работал над кандидатской диссертацией, сдал все необходимые для защиты дисциплины. Но уже в ходе работы над авторефератом понял, что тема недостаточно значимая, стыдно будет ему ходить кандидатом технических наук по такому поводу.

В это трудно поверить, но на пенсию Руфиму Ивановичу пришлось уйти после своего единственного «попадания» в больницу. Во время футбольного матча 80-летний игрок Денисов получил удар ногой в живот, трое суток терпел боль, а когда его доставили на операционный стол, хирург покачал головой: «Еще пару часов – и вряд ли бы удалось спасти».

На пенсию Р.И.Денисов ушел в возрасте 81 года. К тому времени его трудовой стаж насчитывал 64 года.

– Я забрал отца в Светлогорск несколько лет назад, – говорит Юрий. – Несмотря на то, что ему идет 93-й год, он бодр, старается не пропускать ни одной значимой спортивной трансляции по телевидению, а кроме этого смотрит только новости. Никакие ток-шоу, обсуждения политической ситуации его не интересуют.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.